

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
*ECONOMIC TRANSFORMATIONS:
FOREIGN EXPERIENCE*

Сотрудничество и зависимость в отношениях стран Вишеградской группы и Германии

А.А. НЕВСКАЯ*

* **НЕВСКАЯ Анастасия Алексеевна** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997.

E-mail: nevskaya@imemo.ru

В статье рассматривается вопрос о пределах экономической самостоятельности стран Вишеградской группы – Польши, Венгрии, Чехии и Словакии – в отношениях с Германией как важнейшим и наиболее влиятельным экономическим партнером. Поставлена задача проследить качественную трансформацию характера их связей и пути приспособления экономик стран Вишеградской группы к меняющимся политическим, экономико-социальным и технологическим реалиям. Рассмотрены связи сторон в сфере торговли и инвестиций. Использованы методы количественного и качественного динамического анализа данных о торговле в категориях добавленной стоимости, отраслевого баланса взаимных инвестиций, а также проявлений функционирования зрелой экономики знаний. Показано влияние кризиса, вызванного пандемией коронавируса, на рассматриваемую ситуацию.

Сделан вывод, что в случае с Вишеградской группой зависимость от экономики Германии не исчезает, однако переходит на иной качественный уровень. Опираясь на положения новой теории международной торговли П. Кругмана, автор показал, что происходит переход от вертикальной к преимущественно горизонтальной внутриотраслевой торговле между сторонами. Страны Вишеградской группы рассчитывают на Германию как на центр перераспределения своей добавленной стоимости, а также источник инвестиций в новые, более высокие уровни цепочек добавленной стоимости. Тем не менее вопрос о самостоятельном определении своей экономической повестки дня по-прежнему стоит перед странами Вишеградской группы достаточно остро.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Германия, экономическая независимость, торговля добавленной стоимостью, прямые инвестиции, экономика знаний.

DOI: 10.31857/S086904990011283-3

Цитирование: Невская А.А. (2020) Сотрудничество и зависимость в отношениях стран Вишеградской группы и Германии // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 79–92. DOI: 10.31857/S086904990011283-3

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-010-00107 “Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС: выбор национальных стратегий, реакция на общеевропейские вызовы, развитие связей с РФ”) в ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН.

Cooperation and Dependence in Relations between the Visegrad Four and Germany

*Anastasia A. NEVSKAYA**

* **Anastasia A. Nevskaya** – candidate of science (Economics), Senior Research Associate, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997.

E-mail: nevskaya@imemo.ru

Abstract. The article examines the limits of economic independence of the Visegrad countries – Poland, Hungary, the Czech Republic and Slovakia – in their relations with Germany as the most important and influential economic partner. The author aims to trace the qualitative transformation of the relations and to discover the ways the Visegrad countries adapt their economies to the changing political, economic, social and technological realities. Methods of quantitative and qualitative dynamic analysis are used. The impact of the crisis caused by the coronavirus pandemic is considered.

It is shown that the most important evidence of economic independence is trade in the categories of value added, the dynamics of the sectoral balance of mutual direct investments, as well as the signs of a mature knowledge economy. In the case of the Visegrad Group, dependence on the German economy has not disappeared, but it is moving to a different qualitative level. Based on the provisions of P. Krugman's new theory of international trade the author shows that there is a transition from vertical to predominantly horizontal intra-industry trade. Visegrad countries rely on Germany as a center for the redistribution of their value added, as well as a source of investments to the higher levels of value chains.

Nevertheless, the issue of independent determination of their economic agenda is still quite acute for the Visegrad countries.

Keywords: Visegrad Group, Germany, economic independence, value added trade, direct investment, knowledge economy.

DOI: 10.31857/S086904990011283-3

Citation: Nevskaya A. A. (2020) Cooperation and Dependence in Relations between the Visegrad group and Germany. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 79–92. DOI: 10.31857/S086904990011283-3 (In Russ.)

В течение постсоветского периода Германия остается важнейшим экономическим партнером стран “Вишеградской четверки” (В4), источником производственных технологий, двигателем процесса создания рабочих мест, спроса на производимую в этих странах промежуточную продукцию. В свою очередь, страны В4 традиционно были важным, но специфическим партнером Германии, особенно в части работы ее транснациональных компаний. Отношения, сформировавшиеся между этими партнерами, характеризовались высокой степенью зависимости стран В4 от германских инвестиций и спроса на производимую продукцию. Экономики этих стран также ориентировались на Германию как на центр спроса на производимую ими добавленную стоимость. Это вело к некоторой асимметрии в отношениях и создавало ограничения самостоятельности стран В4 как субъекта международных экономических отношений.

В течение последнего десятилетия взаимоотношения стран претерпели ряд изменений, в том числе возникли новые тенденции, вызванные объективными реалиями мировой экономики, социополитическими процессами в мире и на континенте и ходом развития технического прогресса. Процессы цифровизации и внедрения новых форм автоматизации производства и сферы услуг, рост запроса на экологизацию экономики, а также активная позиция Китая на мировых рынках и рост торговых споров привели к значительным изменениям экономического ландшафта, включая конфигурацию производственных цепочек

в рассматриваемой части Европы. Важную роль сыграли последствия экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг., который продолжался для стран ЕС гораздо дольше, перейдя в кризис Еврозоны, а также кризиса в отношениях с Россией в результате конфликта вокруг Украины и миграционного кризиса в ЕС в 2015–2016 гг. Неотъемлемой частью экономик стран В4 стало финансирование ряда сфер со стороны общеевропейских фондов [Четверикова 2020]. Вопрос трансформации места стран В4 в региональной экономике и характера их экономического развития стал предметом ряда исследований отечественных авторов [Шишелина 2019; Габарта 2018]. Указывая на политические разногласия, авторы подчеркивают тесный и даже стратегический характер экономических связей Германии и стран В4 [Handl 2017; Васильев 2020].

В этой статье будет рассмотрен ход качественной трансформации экономических связей между Германией и странами В4 и определено, насколько страны В4 смогли достичь пределов своей экономической самостоятельности и преодолеть их.

Торгово-инвестиционная статистика связей

Германия исторически была естественным крупным торгово-экономическим партнером стран Вишеградской группы. В период холодной войны связи между странами сохранялись, а начатая в 1970-х гг. в Германии Восточная политика (*Ostpolitik*) заложила основы тесных кооперативных производственных связей, которые существуют в регионе и сегодня. После распада социалистического блока страны В4 оказались целиком и полностью в экономической орбите влияния западноевропейской, а в особенности немецкой экономики. В этот период опережающими темпами росла внутрирегиональная торговля между странами Вишеградской четверки и “старыми” членами ЕС: темпы роста этой торговли значительно опережали рост торговли с третьими странами. В Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию хлынули прямые иностранные инвестиции: в начале 1990-х гг. в эти страны пришли такие компании, как Volkswagen, Fiat, Bosch, Daimler, и многие другие, благодаря чему уже к концу десятилетия экономики стран В4 оказались прочно вплетены в цепочки добавленной стоимости, управляемые западноевропейскими ТНК. В результате они получили как мощный стимул к развитию и ускорению экономического роста, так и серьезные ограничения в плане экономической и политической самостоятельности.

Сложившаяся ситуация довольно хорошо иллюстрирует положения новой теории международной торговли П. Кругмана: фирмы переходят к международной торговле со странами, схожими по наделенности факторами производства, чтобы расширить рынки сбыта и сэкономить на эффекте масштаба [Helpman, Krugman 1985]. При этом исследования показывают, что в кризисные периоды – на основе эмпирических данных за период кризиса 2008 г. – внутриотраслевая торговля между странами В4 и “старыми” членами ЕС, включая Германию, сокращалась, и происходила переориентация на других торговых партнеров [Molendowski 2014]. Интересен вопрос, насколько схожими в этом смысле будут последствия кризиса, связанного с пандемией COVID-19.

В период перед кризисом 2020 г. торговые связи Германии и стран В4 прочнее, чем когда бы то ни было: страны В4, учтенные в совокупности, стали крупнейшим торговым партнером Германии, обогнав США, Францию, Китай и других партнеров. На рисунке 1 показано, что в 2019 г. Германия свела торговый баланс со странами В4 с небольшим положительным сальдо, при этом объем товарооборота превысил 300 млрд евро.

Для экономик самих стран В4 торговля с Германией играет еще более важную роль. На рисунке 2 показан динамичный, даже взрывообразный рост объемов товарооборота стран Вишеградской группы и Германии в период с середины 1990-х гг. по настоящее время. Абсолютный показатель торгового товарооборота с Германией возрос за указанный период у Польши и Венгрии в 10 раз, у Чехии в 16, а у Словакии почти в 20 раз.

Основной рост объемов пришелся на период с 2000 г. до начала мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., а также после преодоления его последствий в ЕС – в период после 2016 г.

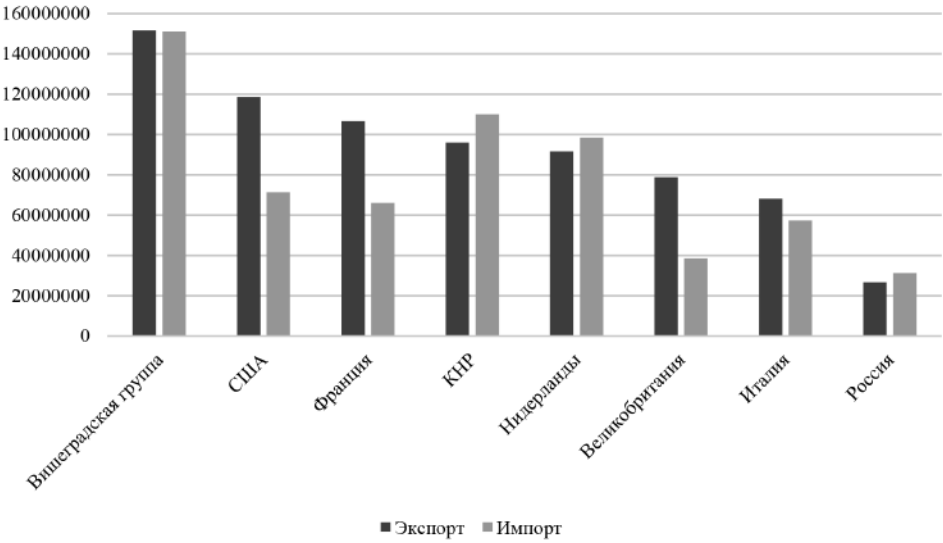

Рис. 1. Объемы товарооборота Германии с основными торговыми партнерами в 2019 г. (в тыс. евро).

Источник: составлено автором на основе данных Statistisches Bundesamt. Foreign Trade 2019.

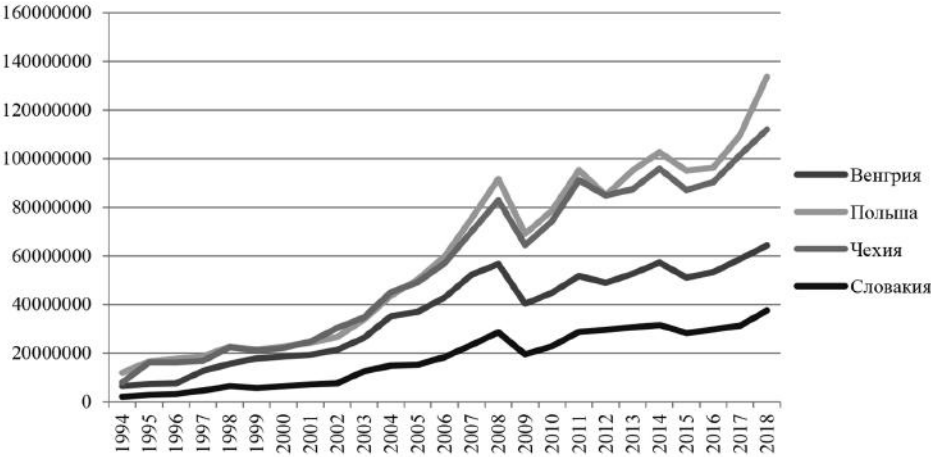

Рис. 2. Товарооборот стран Вишеградской группы с Германией (в тыс. долл.).

Источник: Всемирный банк, World Integrated Trade Solution.

В течение всего периода Германия сохраняла позиции главного торгового партнера Вишеградской группы, объемы торговли с ней составляли до 50% ВВП стран В4. Тем не менее по мере развития их экономического потенциала и диверсификации товарной и географической структуры внешней торговли ее доля снижалась. Подробнее динамика этого процесса представлена на рисунке 3.

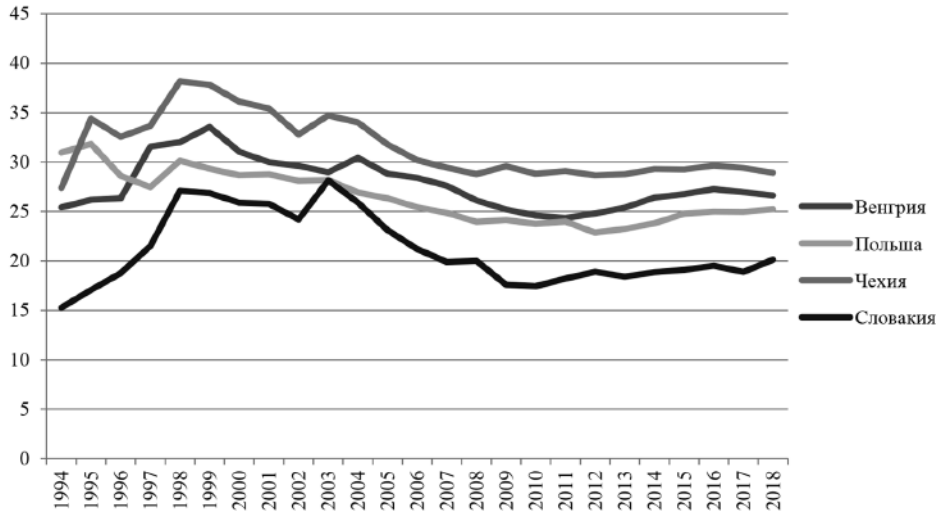

Рис. 3. Динамика доли Германии во внешнем товарообороте стран Вишеградской группы (в %).
Источник: рассчитано автором на основе данных Всемирного банка, World Integrated Trade Solution.

Учитывая характер сложившихся производственных связей в регионе, в которые предприятия стран В4 оказались прочно вплетенными благодаря немецким контрагентам, можно полагать, что, несмотря на представленную динамику, ключевые драйверы роста и развития экономик центральноевропейских республик по-прежнему находятся в руках немецких корпораций. Отчасти этот тезис подтверждает взгляд на статистику внешних связей стран В4 за 2018 г.: в этот период Германия продолжала играть роль основного торгового партнера для всех четырех рассматриваемых стран (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура основных торговых партнеров стран В4 по состоянию на 2018 г.

	Экспорт			Импорт		
	Партнер	Сумма, млн евро	Доля, %	Партнер	Сумма, млн евро	Доля, %
Чехия	Германия	65,6	32,4	Германия	46,4	25,1
	Словакия	15,3	7,55	Китай	26,0	14,1
	Польша	12,2	6,04	Польша	14,1	7,6
Польша	Германия	73,7	28,1	Германия	60,0	22,4
	Чехия	16,6	6,3	Китай	31,0	11,6
	Великобритания	16,1	6,2	Россия	19,6	7,3
Венгрия	Германия	33,8	27,2	Германия	30,4	26,0
	Словакия	6,4	5,1	Австрия	7,1	6,1
	Италия	6,4	5,1	Польша	6,7	5,7
Словакия	Германия	20,7	22,1	Германия	16,8	18,1
	Чехия	11,0	11,7	Чехия	9,5	10,3
	Польша	7,1	7,6	Китай	5,51	5,6

Источник: рассчитано автором на основе данных Всемирного банка, World Integrated Trade Solution.

Тем не менее сравнение данных на рисунках 2 и 3 позволяет предположить, что после 2004 г. – момента присоединения стран В4 к ЕС – их аффилированность с немецкой экономикой стала снижаться, а по мере роста объемов и номенклатуры внешнего товарооборота независимость и самостоятельность возрастала. С точки зрения упомянутой выше теории П. Кругмана это можно объяснить переходом от вертикальной к преимущественно горизонтальной внутриотраслевой торговле, преобладание которой присуще странам со схожими экономиками (в частности, такими показателями, как ВВП на душу населения, средний уровень заработной платы и др.). Иными словами, торговые потоки стали концентрироваться не вдоль цепочек добавленной стоимости, в которых стран В4 специализировались на нижних звеньях, а между цепочками на примерно одинаковом уровне сложности производства. Здесь закономерно поставить вопрос, насколько реальным стало снижение зависимости экономик стран В4 от Германии. Для этого необходимо изучить трансформацию их взаимодействия в рамках международных цепочек добавленной стоимости (МЦДС).

Торговля добавленной стоимостью

Интегрированность МЦДС дает национальным экономикам возможность использовать преимущества специализации, экономить на эффекте масштаба. В [Elekdag, Muir 2013] показано, что одним из важнейших показателей вовлеченности экономики в региональные воспроизводственные процессы и, соответственно, зависимости от экономик-контрагентов является доля промежуточной продукции в торговом балансе.

Современные международные цепочки добавленной стоимости чаще всего сконфигурированы в виде сетей и кластеров, то есть в их структуре преобладает региональная составляющая. Продвижение позиций отдельных компаний и национальных хозяйств вверх в цепочках добавленной стоимости начинается именно на региональном уровне. Страны-члены ЕС из Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), имеющие тесные производственные связи с экономиками западноевропейских стран, а в особенности Германии – яркий пример этого процесса.

По данным ОЭСР, которые представлены в таблице 2, доля промежуточных товаров во внешнеторговом обороте Вишеградских стран очень высока – она составляет более половины, а в некоторых случаях около трех четвертей. Эта доля неуклонно возрастала в период после вступления стран В4 в ЕС и до 2015 г.

Таблица 2

Доля промежуточной продукции в торговле стран В4 и Германии (в%)

		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Чехия	Экспорт	57,0	57,6	58,4	56,9	54,9	59,5	58,5	59,9	58,6	59,0	63,0
	Импорт	68,2	69,9	70,8	68,7	68,7	70,8	71,5	71,5	72,0	71,3	71,0
Венгрия	Экспорт	53,6	54,9	55,0	53,5	53,1	57,0	56,2	58,4	56,7	57,1	61,5
	Импорт	63,6	65,1	66,5	66,0	68,7	70,9	71,0	72,0	72,1	70,9	73,3
Польша	Экспорт	54,2	56,2	56,4	56,4	54,0	58,3	58,9	57,4	56,3	57,5	59,1
	Импорт	61,7	62,9	61,5	61,1	62,2	61,3	61,9	60,2	61,6	60,7	61,7
Словакия	Экспорт	56,6	59,5	58,9	57,6	54,9	60,6	59,6	60,4	58,7	60,2	64,7
	Импорт	65,7	69,0	69,2	66,9	67,4	67,3	67,5	72,1	69,3	69,8	70,3

Источник: OECD Trade in Value Added Database.

Данные из таблицы 1 свидетельствуют, что страны В4 являются нетто-экспортерами своей продукции в Германию, что, казалось бы, ставит их в выигрышное положение. Однако анализ торгового взаимодействия в категориях добавленной стоимости, проведенный с использованием метода декомпозиции валового импорта и экспорта стран на источники добавленной стоимости и отслеживания динамики этих источников, в том числе по отраслям, позволяет дополнительно раскрыть еще один важный аспект характера взаимозависимости стран В4 и Германии. Торговый профицит стран В4 в рамках торговли добавленной стоимостью оказывается значительно скромнее. Это связано с тем, что в поставках, идущих из стран В4 в Германию, гораздо больше иностранной добавленной стоимости, чем наоборот [Kordalska, Olczyk 2019].

Объем добавленной стоимости, произведенной в Германии, составляет значительную часть экспорта стран В4. Так, в Чехии немецкая добавленная стоимость превышает в экспорте добавленную стоимость ближайшего по объемам партнера — Австрии — в восемь раз (3 и 24 млрд долл. в 2015 г., соответственно [Trade in Value Added... 2018]). Доля немецкой добавленной стоимости в 2015 г. в экспорте Чехии, Венгрии, Польши и Словакии составляла 17, 16, 15 и 10%, соответственно.

Одновременно в ряде исследований структуры мировых цепочек добавленной стоимости последних лет указано, что страны В4 совершили качественный переход от ограниченного производства к инновационным этапам производственного процесса. Вышедший в начале 2020 г. доклад Всемирного банка *Trading for Development in the Age of Global Value Chains* [Trading for Development... 2020] содержит оценки участия стран мира в МЦДС. Авторы доклада выделяют четыре стадии участия в МЦДС: поставки сырья; ограниченное производство; продвинутое производство и услуги; инновационная деятельность. В докладе показано, что Польше удалось совершить переход от ограниченного к продвинутому производству и поставкам услуг, а Чешская республика приведена в качестве уникального примера перехода сразу через две ступени: от ограниченного производства к инновационному.

Важно ответить на вопрос о том, какие механизмы использовались странами В4, чтобы усилить свои позиции в международном разделении труда, а также каким образом эти перемены повлияли на их устоявшиеся внешние производственные связи и как это сказалось на уровне их экономической самостоятельности.

В качестве факторов движения по цепочке стоимости в литературе выделяются: количество и качество факторов производства (финансовые, трудовые, интеллектуальные и предпринимательские ресурсы); размер рынка и режим доступа на него; географическое положение и связанные с ним логистические и инфраструктурные возможности; институты, включая режим регулирования прав интеллектуальной собственности, стандарты и регламенты, стабильность и предсказуемость экономической политики и т.д. Среди основных мер политики исследователями предлагается таргетированное привлечение “трансформационных” потоков прямых иностранных инвестиций в наиболее важные и потенциально конкурентоспособные отрасли, развитие человеческого капитала, либерализация внешней торговли, стимулирование конкуренции в сфере транспорта и логистики, совершенствование таможенных процедур и другие.

Среди мер экономической политики, которые страны Вишеградской группы используют для продвижения позиций национальных предприятий в рамках МЦДС, особо хотелось бы отметить создание связей между локальными малыми и средними предприятиями и ведущими ТНК, создающими МЦДС. Среди механизмов формирования таких связей — поддержка сотрудничества в сфере обучения персонала, а также информирование крупных ТНК о возможностях национальных поставщиков [Foreign Direct Investment... 2017]. В экономиках рассматриваемых стран наиболее явно эти механизмы используются в сфере автомобилестроения, а усиление позиций в цепочке

добавленной стоимости достигается за счет совершенствования производственных процессов (*process upgrading*). Тем не менее ряд исследований свидетельствует, что даже в автомобильном секторе такое продвижение имеет избирательный и далеко не повсеместный характер [Pavlínek 2017].

Анализ динамики участия стран В4 в международных потоках добавленной стоимости показывает, что роль Германии как источника спроса на добавленную стоимость стран В4 снижается, в то время как ее роль перераспределительного хаба возрастает [Kordalska, Olczyk 2019]. В результате качественной интенсификации участия в глобальных и региональных МЦДС, а также продвижения вверх по цепочкам стоимости страны В4 наращивают свою зависимость от рынков других стран (в том числе России, Китая и др.), одновременно диверсифицируя риски. Некогда зависимые в наибольшей степени от поставок и спроса со стороны германского рынка, сегодня эти экономики больше опираются на спрос на свою добавленную стоимость в третьих странах, а также на способность Германии ее перенаправлять.

Иностранные инвестиции – ключ к развитию или фактор укоренения зависимости?

Участие в международных производственно-сбытовых цепочках – неотъемлемый элемент межстранового сотрудничества в сфере прямого инвестирования. Исследования показывают прямую корреляцию между объемами накопленных взаимных прямых инвестиций и интенсивностью торговых потоков как конечной, так и промежуточной продукцией [Buelens, Tirpák 2017]. В этой статье уделено особое внимание инвестиционному сотрудничеству между Германией и странами Вишеградской четверки, так как этот вид взаимодействия приводит к новому качеству взаимозависимости между сторонами. Эта зависимость, как и в случае с торговыми потоками, асимметрична, однако она гораздо сложнее по структуре и влиянию на экономики сотрудничающих стран. Существует довольно много свидетельств о влиянии прямых инвестиций на эффективность факторов производства в принимающей стране [Damijan, Kostevc, Rojec 2013]. Анализ с использованием данных микроуровня, то есть отдельных фирм – использовал в своем исследовании Р. Липси [Lipsey 2006]. Полученные им данные свидетельствуют, что прямые инвестиции коррелируют с повышением производительности труда в соответствующих филиалах, а также способствуют “перетеканию” технологий и инноваций, в том числе управленческих, на местные фирмы, находящиеся в одной цепочке стоимости с иностранными компаниями. Такое “перетекание” более заметно именно в рамках цепочек стоимости, нежели чем между фирмами одной отрасли.

В литературе не содержится значительных разногласий по вопросу о том, что стало основной движущей силой относительно безболезненного и быстрого перехода стран В4 от социалистического к капиталистическому укладу и дальнейшего ускоренного и весьма успешного развития экономик этих стран. Это были прямые инвестиции западноевропейских компаний, для которых были созданы максимально благоприятные условия и которые позволили в короткий срок переформатировать целые рынки и отрасли экономик стран В4.

После распада социалистического блока страны Вишеградской четверки быстро стали популярным направлением вложения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для немецких компаний, стремившихся расширить свои рынки сбыта и сократить производственные издержки [Bradshaw 2005]. С начала XXI в. отраслевая ориентация инвесторов в страны В4 смещается от чисто производственной к комбинации производственных и сервисных функций [Capik, Drahooupil 2011]. Такая дифференциация сфер приложения ПИИ была частью общего глобального тренда на возрастание роли сферы услуг в трансграничном

движении капитала. Отчасти это было связано с изменением структуры цепочек добавленной стоимости за счет усиления значения сервисных функций и процессов оффшоринга и аутсорсинга [Bustinza, Bigdeli, Baines, Elliot 2015].

Современные агрегированные данные инвестиционного взаимодействия стран В4 и Германии свидетельствуют о значительном доминировании немецких инвесторов: по данным ОЭСР, в 2018 г. немецкие накопленные ПИИ составляли 25,4% от общего объема входящих ПИИ Венгрии, по 20,1% – Польши и Чехии, 7,2% – Словакии. При этом соответствующие показатели прямых инвестиций стран В4 в Германии составляют, соответственно, 0,7, 0,8, 1,6 и 6,6% для Словакии, Венгрии, Чехии и Польши [OECD Data 2018]. Абсолютные показатели инвестиционного взаимодействия показаны на рисунке 4.

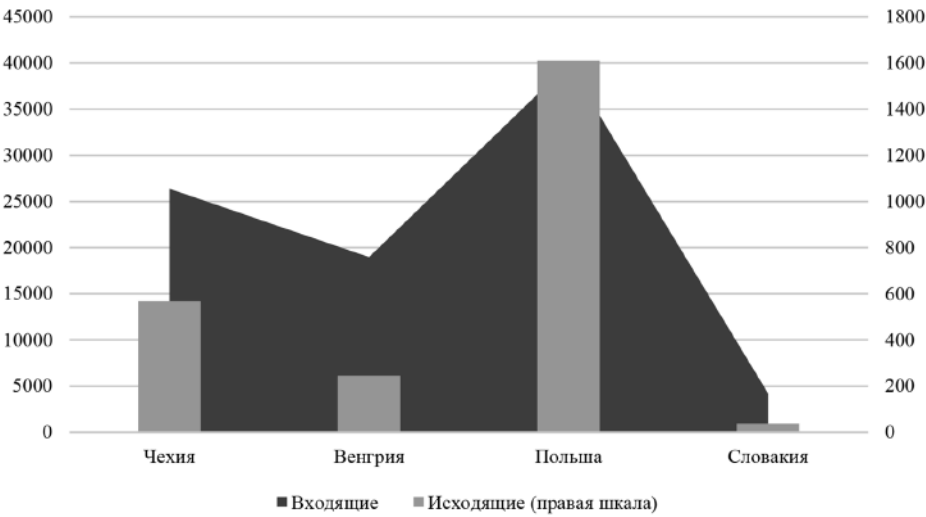

Рис. 4. Взаимные прямые инвестиции стран В4 и Германии в 2018 г. (в млн долл.).
Источник: данные ОЭСР: FDI positions by partner country.

В 2019 г. поток входящих ПИИ в страны Вишеградской группы (за исключением Словакии) стал снижаться (падение составило 18%), что шло вразрез с общеевропейской тенденцией. По данным ЮНКТАД [UNCTAD 2020], анализ реального происхождения инвестиций показывает, что среди инвесторов в страны В4 возрастает доля Китая, Кореи и США, хотя зачастую они инвестируют через свои европейские подразделения, что приводит к учету их капиталовложений в качестве европейских.

Показатель доходности иностранных инвестиций в странах В4 один из самых высоких в ОЭСР: он составляет 9,9% в Польше и Словакии, 11% в Венгрии и 12% в Чехии [OECD 2017]. При этом показатель доходности инвестиций местных фирм за рубежом заметно ниже: он составляет от 3,1% для Венгрии до 8% для Чехии.

Приведенные данные свидетельствуют о по-прежнему присутствующем крупном дисбалансе инвестиционных позиций между странами В4 и Германией и сохраняющейся роли стран В4 как крупнейших реципиентов немецких ПИИ.

Тем не менее по мере эволюции производственных стратегий европейских ТНК в пользу экологичности производства и производимой продукции роль площадок в странах В4 также меняется. Дополнительный импульс этому процессу придает кризис, вызванный пандемией COVID-19, и следующая за ним реконфигурация производственных цепочек,

имеющая целью минимизировать зависимость от китайских площадок. Производства в странах В4 оказываются в выигрышном положении: на них переносятся все больше производственных этапов, имеющих ключевое значение для развития западноевропейских ТНК. Речь идет о создании инновационных и учебных центров, а также производстве комплектующих для наиболее современных и перспективных представителей модельных рядов: электрокаров и гибридных автомобилей. Кроме того, существующие и новые производства полного цикла оснащаются в соответствии с наиболее современными возможностями [Невская 2019].

Страны В4 оказались не полностью готовы использовать предоставившиеся возможности. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, заставил многие страны по-новому посмотреть на вопросы обеспечения своей экономической безопасности, в том числе в вопросах, связанных с регулированием деятельности иностранных инвесторов. Широко известен пример Германии, где в апреле 2020 г. был принят закон, усложняющий покупку зарубежными игроками долей в германских компаниях. Польша и Венгрия пошли по похожему пути, временно введя жесткий режим мониторинга готовящихся сделок прямого инвестирования. Мониторинг проводится в случаях, когда планируется приобретение 20% или более акций публичных компаний, а также компаний, контролирующих объекты стратегической инфраструктуры или разрабатывающих программное обеспечение стратегического значения, и компаний, работающих в таких отраслях, как фармацевтика, производство медицинского оборудования, продуктов питания и товаров первой необходимости и др. Предпринятые шаги можно рассматривать как демонстрацию готовности более предметно изучать вопросы обеспечения своей подлинной экономической независимости от решений иностранных партнеров.

Таким образом, налицо признаки эволюции характера участия стран В4 в региональных производственных цепочках, пусть эта эволюция и регулируется западноевропейскими – в первую очередь германскими – инвесторами и ее степень и характер целиком зависят от их решения. Одним из важнейших ограничителей для качественного прорыва в характере этих взаимоотношений стал уровень инновационного развития стран В4 и состояние “экономики знаний” в этих государствах.

Попытки построения экономики знаний в странах В4

Ключевым этапом на пути выстраивания национальной конкурентоспособности и независимости считается построение экономики, способной производить инновационные, конкурентные на мировом рынке товары и услуги. Иными словами, для национальных компаний должна быть создана среда, в которой они смогут стать лучшими в мире в рамках одной или нескольких отраслей.

Согласно исследованию Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), страны В4 не совершили значительного прорыва в построении экономики, основанной на знаниях, в период с 2011 по 2018 г. [Introducing the EBRD... 2019]. В рейтинге 2018 г. Польша, Словакия и Венгрия заняли, соответственно, 6, 8 и 9 места среди стран Центральной и Восточной Европы, пропустив вперед страны Балтии, Словению и Кипр. Эксперты ЕБРР приходят к выводу, что страны В4, достигнув определенного уровня развития экономики знаний (среди своих членов ЕБРР относит их к группе “продвинутые”), испытывают на данный момент сложности с поддержанием этого уровня и, тем более, с продвижением вперед. В этом можно убедиться, ознакомившись со структурой показателей индекса экономики знаний, используемого ЕБРР, и их значениями и динамикой в случае стран В4.

Таблица 4

Динамика компонентов индекса экономики знаний в странах В4 (с 2011 по 2018 г.)

	Институты	Компетенции	Инновационные системы	Инфраструктура ИКТ
Польша	0,09	0,07	0,05	0,5
Чехия	0,13	0,14	0,05	0,47
Венгрия	0	0,07	-0,05	0,3
Словакия	0,08	0,22	0,03	0,61

Источник: составлено автором на основе данных ЕБРР.

Хотя практически по всем показателям страны продемонстрировали небольшое продвижение, более подробное рассмотрение компонентов указывает на снижение качества выстраиваемой экономики знаний. Среди компетенций прирост коснулся в основном компетенций общего характера, в то время как специализированные навыки продемонстрировали падение (в Польше и в Венгрии). Во всех четырех странах сократилось качество управления как одного из элементов показателя “институты экономики знаний”. В рамках показателя “инновационные системы” все четыре страны продемонстрировали снижение качества связей внутри систем. Единственным показателем, по которому наблюдался наиболее заметный и устойчивый рост, была инфраструктура информационно-коммуникационного сектора. Росли все компоненты этого показателя – и доступность, и сложность инфраструктуры.

Для дальнейшего продвижения в сторону эффективной инновационной экономики – регионального экономического центра – странам В4 необходимо приложить усилия к развитию связей между агентами инновационной системы для облегчения коммерциализации технологических решений, создания каналов связи между финансовыми структурами и инновационными компаниями, а также связей между академическим и предпринимательским миром. Эти меры, как было указано выше, необходимы для продвижения позиций национальных производителей в международных цепочках добавленной стоимости. В качестве дополнения к ним могут быть использованы сложные инструменты инновационной политики, такие как развитие “умной” специализации и стимулирование НИОКР в частных компаниях.

* * *

Перспективы посткризисного восстановления и дальнейшего развития экономик стран Вишеградской группы в настоящий момент находятся по-прежнему в руках их экономических партнеров, в первую очередь Германии. Вероятные сценарии их дальнейшего развития связаны с процессом реформирования глобальных цепочек добавленной стоимости в региональные (т.н. *nearshoring*), то есть перенос производственных площадок и сервисных операций из Китая. Этот процесс, вероятно, станет одной из примет “постковидного” устройства мировой экономики. Другой фактор, от которого могут выиграть страны ЦВЕ, – получившее новый импульс ускоренное развитие онлайн-сервисов, электронной торговли и прочих элементов цифровой экономики. Страны В4 смогут стать одним из центров размещения соответствующей инфраструктуры – от логистических мощностей до колл-центров и других элементов клиентской поддержки фирм, чья деятельность полностью перейдет в онлайн.

Таким образом, страны В4, несмотря на пройденный внушительный путь по модернизации своей экономики, переходят в настоящее время в новую фазу зависимости от экономики Германии: период выхода из острой фазы “коронакризиса” продемонстрировал

это весьма отчетливо. Хотя страны Вишеградской четверки производят теперь более высокотехнологичные детали для промышленности Германии (в первую очередь, автомобильной), а также участвуют в создании региональной инфраструктуры единого цифрового рынка, они по-прежнему остаются “ведомыми” на этом пути и не могут полноценно и самостоятельно формировать свою экономическую повестку дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.И. (2020) Европейская политика Германии. Опыт, проблемы, перспективы. М.: ИМЭМО РАН.

Габарта А. (2018) Особенности социально-экономического развития стран Вишеградской группы на современном этапе // *Горизонты экономики*. № 2 (42). С. 95–100.

Невская А. (2019) ТНК Западной Европы на рынках стран Вишеградской группы: вклад в интеграционный процесс // *Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов (Мировое развитие. Вып. 21)* / Ред. колл.: К.Р. Вода, К.А. Годованюк, А.А. Давыдов и др. М.: ИМЭМО РАН. С. 53–61.

Четверикова А. (2020) Страны Вишеградской группы в ЕС: экономические результаты // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 63–70.

Шишелина Л. (2019) Некоторые итоги трех десятилетий трансформации центральной Европы // *Современная Европа*. №6. С. 48–56.

Bradshaw M. (2005) Foreign Direct Investment and Economic Transformation in Central and Eastern Europe, in: D. Turnock (Ed) *Foreign Direct Investment and Regional Development in East Central Europe and Former Soviet Union*. Aldershot: Ashgate. Pp. 3–19.

Buelens Ch., Tirpák M. (2017) Reading the Footprints: How Foreign Investors Shape Countries' Participation in Global Value Chains. ECB Working Paper 2060.

Bustintza O., Bigdeli A., Baines T., Elliot S. (2015) Servitization and Competitive Advantage. The Importance of Organizational Structure and Value Chain Position // *Research Technology Management*. 58(5). Pp. 53–60.

Capik P., Drahekoupil J. (2011) Foreign Direct Investments in Business Services: Transforming the Visegrád Four Region into a Knowledge-based Economy? *European Planning Studies* 19(9). Pp. 1611–1631.

Damijan J., Kostevc C., Rojec M. (2013) Global Supply Chains at Work in Central and Eastern European Countries: Impact of FDI on export restructuring and productivity growth. LICOS Discussion Paper 332/2013.

Elekdag S., Muir D. (2013) Trade Linkages, Balance Sheets, and Spillovers: The Germany-Central European Supply Chain. IMF Working Paper, WP/13/210.

Foreign Direct Investment in Central and Eastern Europe. Post-Crisis Perspectives (2017) Szent-Iványi B. (Ed.) Palgrave Macmillan.

Handl V. (2017) From Normalisation to Differentiation: Uncoherent Relations between the Visegrád States and Germany. Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow (<https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/11092017>).

Helpman E., Krugman P. (1985) *Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*. MIT Press, Cambridge.

Introducing the EBRD Knowledge Economy Index European Bank for reconstruction and development. March 2019.

Kordalska A., Olczyk M. (2019) Is Germany a hub of Factory Europe for CEE countries? The sink approach in GVC decomposition. GUT FME Working Paper Series A. No. 4/2019(56), Gdańsk University of Technology, Faculty of Management and Economics, Gdańsk.

Lipsey R. (2006) Measuring the Impacts of FDI in Central and Eastern Europe. NBER Working Paper No 12808.

Molendowski E. (2014) The Visegrad Group Countries – changes in intra-industry competitiveness of their economies during the world financial and economic crisis. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. No. 110. Pp.1006–1013.

OECD Data (2018) FDI stocks by partner country (<https://data.oecd.org/fdi/outward-fdi-stocks-by-partner-country.htm#indicator-chart>).

OECD (2017) Poland. Trade and Investment Statistical Note 2017 (<http://www.oecd.org/investment/POLAND-trade-investment-statistical-country-note.pdf>).

Pavlínek P. (2017) Dependent Growth: Foreign Investment and the Development of the Automotive Industry in East-Central Europe. Springer International Publishing AG.

Trade in Value Added: Principal indicators. Domestic value-added content of gross exports (2018) (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1).

Trading for Development in the Age of Global Value Chains. World Development Report 2020. World Bank Group, Washington DC (<https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020>).

UNCTAD (2020) World Investment Report (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf).

REFERENCES

Bradshaw M. (2005) *Foreign Direct Investment and Economic Transformation in Central and Eastern Europe*. D. Turnock (ed) Foreign Direct Investment and Regional Development in East Central Europe and Former Soviet Union. Aldershot: Ashgate, pp. 3–19.

Buelens Ch., Tirpák M. (2017) Reading the Footprints: How Foreign Investors Shape Countries' Participation in Global Value Chains. *ECB Working Paper* 2060.

Bustinza O., Bigdeli A., Baines T., Elliot S. (2015) Servitization and Competitive Advantage. The Importance of Organizational Structure and Value Chain Position. *Research Technology Management*, no. 58(5), pp. 53–60.

Capik P., Drahokoupil J. (2011) Foreign Direct Investments in Business Services: Transforming the Visegrád Four Region into a Knowledge-based Economy? *European Planning Studies* 19(9), pp. 1611–1631.

Chetverikova A. (2020) Strany Vishegradskoy gruppy v ES: ekonomicheskie rezul'taty [The Visegrad Countries in the EU: Economic Results]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 2, pp. 63–70.

Damijan J., Kostevec C., Rojec M. (2013) Global Supply Chains at Work in Central and Eastern European Countries: Impact of FDI on export restructuring and productivity growth. *LICOS Discussion Paper* 332/2013.

Elekdag S., Muir D. (2013) Trade Linkages, Balance Sheets, and Spillovers: The Germany-Central European Supply Chain. *IMF Working Paper*, WP/13/210.

Foreign Direct Investment in Central and Eastern Europe. Post-Crisis Perspectives (2017) Szent-Iványi B. (Ed.) Palgrave Macmillan.

Gabarta A. (2018) Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya stran Vishegradskoy gruppy na sovremennom etape [Characteristic Features of Modern Social and Economic Development of the Visegrad Group Countries]. *Gorizonty ekonomiki*, no. 2 (42), pp. 95–100.

Handl V. (2017) *From Normalisation to Differentiation: Uncoherent Relations between the Visegrád States and Germany*. Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow (<https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/11092017>).

Helpman E., Krugman P. (1985) *Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*. MIT Press, Cambridge.

Introducing the EBRD Knowledge Economy Index. European Bank for Reconstruction and Development (2019) March.

Kordalska A., Olczyk M. (2019) Is Germany a hub of Factory Europe for CEE countries? The sink approach in GVC decomposition. *GUT FME Working Paper*, Series A, no. 4/2019(56).

Lipsey R. (2006) Measuring the Impacts of FDI in Central and Eastern Europe. *NBER Working Paper*, no. 12808.

Molendowski E. (2014) The Visegrad Group Countries – changes in intra-industry competitiveness of their economies during the world financial and economic crisis. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 110, pp.1006–1013.

Nevskaya A. (2019) TNK Zapadnoy Evropy na rynkakh stran Vishegradskoy gruppy: vklad v integratsionnyy protsess [TNCs from Western Europe on the Markets of the Visegrad Group Countries: Contribution to the Integration Process] *Menyayushchiysya Zapad i ego rol' v regulirovanii global'nykh protsessov (Mirovye razvitiye. Vypusk 21)* [The Changing West and its Role in Global Regulation (World Development. Issue 21)] K.R. Voda, K.A. Godovanyuk, A.A. Davydov et al. (Eds.) Moscow: IMEMO RAN. pp. 53–61.

OECD Data (2018) FDI stocks by partner country (<https://data.oecd.org/fdi/outward-fdi-stocks-by-partner-country.htm#indicator-chart>).

OECD (2017) Poland. Trade and Investment Statistical Note 2017 (<http://www.oecd.org/investment/POLAND-trade-investment-statistical-country-note.pdf>).

Pavlínek P. (2017) *Dependent Growth: Foreign Investment and the Development of the Automotive Industry in East-Central Europe*. Springer International Publishing AG.

Shishelina L. (2019) Nekotorye itogi trekh desyatiletiy transformatsii tsentral'noy Evropy [Some Results of Three Decades of Transformation in Central Europe]. *Sovremennaya Evropa*, no.6, pp. 48–56.

Trade in Value Added: Principal indicators. Domestic value added content of gross exports. 2018 (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1).

Trading for Development in the Age of Global Value Chains. World Development Report (2020) World Bank Group, Washington DC (<https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020>).

UNCTAD (2020) World Investment Report (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf).

Vasil'ev V.I. (2020) *Evropeyskaya politika Germanii. Opyt, problemy, perspektivy* [The European Policy of Germany. Experience, Problems, Perspectives]. Moscow: IMEMO RAN.